

18+ ПЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

По ту сторону страницы

Геннадий Логинов

По ту сторону страницы

«Издательские решения»

Логинов Г.

По ту сторону страницы / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856141-2

Конечно же, автор может наивно полагать, что все события, происходящие в его произведении, целиком и полностью подвластны его воле и замыслу. Вот только у персонажей может быть иное мнение на этот счёт.

ISBN 978-5-44-856141-2

© Логинов Г.
© Издательские решения

По ту сторону страницы

Геннадий Логинов

Поэт это скорее тот, кто вдохновляет, чем тот, кто испытывает вдохновение.

Поль Элюар

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4485-6141-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Склад его ума был вполне заурядным для гения. Довольно эрудированный, слегка сумасшедший, несколько эксцентричный, обладающий оригинальным взглядом на многие вещи и смелостью его отстаивать. Он так же, как и все прочие типичные гении (начиная с античных времён и заканчивая его современниками), выделялся в серой массе и был обречён занять полагающееся ему место в огромном ряду тех, чью биографию будут зачитывать со страниц учебников, а памятники ставить в местах, где он проживал хотя бы недолгий период времени. Всего лишь очередное лицо и ещё одно имя в бесконечном списке всевозможных Данте, Караваджо и Генделей – и не более того. Впрочем, казалось, что даже это ни капли его не угнетало.

Он не был по натуре гордецом и, более того, в принципе, не считал кого-либо хуже себя, полагая, что людям даны свыше различные склады мышления, дары и склонности во исполнение различных целей и задач. Таким образом, заботиться нужно было не о том, чтобы превосходить кого-то в той или иной черте, но о том, чтобы исполнить те цели и задачи, во исполнение которых были даны определённые предпосылки. При этом не забывая, что и они, опять же, являются не самоцелью, но частным аспектом в вопросе исполнения глобальной цели служения Творцу. И коль скоро в человеке не было ничего благого, сверх заложенного Создателем (хотя раскрытие заложенного и требовало усердия со стороны человека), – гордиться своими талантами было равнозначно, в его понимании, тому, чтобы гордиться цветом глаз или количеством ушей.

Обладатель нафабранных усов и камерного баритона, он то и дело напевал близкие сердцу мелодии из низкопробного водевиля. Незатейливые, но приставучие и весёлые. Они помогали ему найти вдохновение, когда он настраивался на рабочий лад во время творческих перерывов и осмысления написанного. С этой же целью он, помимо всего прочего, проводил время со своей ненормальной истеричной музой, чьё тело источало аромат пота вперемешку с дешёвым парфюмом.

Иногда, правда, он мог исполнить в полный голос свои любимые арии Риголетто или графа ди Луны из опер Джузеппе Верди, но коль скоро далеко не все окружающие разделяли его музыкальные пристрастия, это случалось сравнительно редко.

В его скромном жилище обитала мышь, и писатель время от времени оставлял у её норки кусочки бесплатного сыра – причём, безо всяких мышеловок.

Основную же массу времени мужчина уделял своему литературному творчеству, руководствуясь принципами «ни дня без строчки», «лучшее – враг хорошего» и «если тебе не о чем писать, пиши хотя бы об этом». На практике же, конечно, принципы скорее мотивировали к работе, чем трактовались дословно: фантазия, знания и опыт позволяли ему писать о многом и, как правило, значительно более строчки.

Его творческий стиль, как, впрочем, и выбор тематики, были весьма необычными, за что он уже давно привык к нападкам со стороны критиков, но, вместе с тем, это было смело и имело

несомненное право на жизнь. Как правило, все мнимые противоречия – на деле наблюдались не в тексте произведений, а исключительно в сознании читающих, несправедливо переносивших на самобытного автора своё отношение к плеяде лиц, ошибочно ассоциирующихся с ним, но не имеющих, при этом, к нему равным счётом никакого отношения.

Писателю неоднократно ставили в вину те взгляды и убеждения, которых он не разделял, приписывая те заявления и утверждения, которых он не делал и не выдвигал.

«C'est la vie», как говорят французы.

Впрочем, его мало беспокоило то, что говорят о его взглядах на жизнь, религию и творчество (что он, в общем-то, никогда не рассматривал в отрыве, никоим образом не считая возможным и нужным рассуждать об одном вне контекста другого). И если бы каждая сказанная и написанная о нём клевета и хула продлевала ему жизнь, он дожил бы до конца времён. Впрочем, он не любил пустых споров и тратил время на то, чтобы что-то кому-либо доказать, лишь в том случае, если это действительно было необходимо. Он быстро расставлял точки над «i», уместным тоном называя вещи своими именами. Если того требовали обстоятельства, корректно ставил людей на место не только словом (хотя обычно и слова бывало вполне достаточно). В общении он сразу же обозначал некие рамки и границы дозволенного, не позволяя кому бы то ни было переступать определённую черту.

В нём никогда не было «воинствующего эскапизма», равно как и «нарочитого презрения к реальности», мерещившегося некоторым цензорам, поскольку, высоко уважая и признавая величину таланта и глубину культурного влияния многих из тех, кого ему пытались ошибочно противопоставлять, он выступал не против реальности, а против банальности, обыденности, заурядности и творческой импотентности.

Ведь многие из тех, кто называл себя «реалистами», на деле либо подменяли «реальность» чернухой, стараясь вместить на страницы своих романов как можно больше убийц, маньяков, опустившихся пьяниц и распоследних проституток, считая, что обилие пошлости и грязи делает произведение «ближе к жизни»; либо, подобно так называемым «веристам», делали акцент своего творчества на детальное описание жизни деревенских жителей и повседневного быта среднестатистических обывателей.

На самом же деле все эти тенденции, преумножавшие посредственную и даже не вторичную, но третичную в творческом отношении литературу, окостеневшую в своей статичной инертности и начинавшую заниматься самоедством, совсем не обязательно имели какое-либо отношение к «реализму» как литературному течению.

Да и течение с подобным названием (бесспорно, обладавшее в своей галерее массой достойных шедевров мировой литературы) по сути своей имело не большее отношение к реальности, чем какое-либо другое. И автор, считающий себя «реалистом», преподносил на суд публике не реальность как таковую, а лишь своё субъективное видение этой самой реальности, пропущенное сквозь призму личностных установок индивидуума.

Естественно, ракурсы мировосприятия ассенизатора и оперного певца, атеиста и верующего, трудяги и лодыря, интеллектуала и невежды, богача и нищего, душегуба и пацифиста, республиканца и монархиста, людей различного пола, культуры и возраста отличались разительно. По сути, даже повседневные реалии, окружающие жизнь рядового художника-авангардиста, отличались от повседневной реальности тех, кто не принимал и, главное, не желал принимать взгляда на реальность под углом, отличающимся от их собственного.

Обращаясь к многочисленным произведениям всемирно признанных гениев в различных сферах искусства, можно было играючи привести в пример колоссальное количество прекрасных творений, оказавших значительное влияние на массы и великие умы, не попадающих при этом под прокрустово ложе идейно-эстетических установок суровых ценителей. Коль скоро, в конце концов, многие из этих принципов не существовали в качестве природной данности,

являясь не более чем результатом сформировавшейся за многие годы договорённости некоего круга лиц.

Как следовало из наиболее наглядных примеров скульптуры и живописи, создание произведения искусства, которое было бы тождественно реальности, утрачивало всякий смысл, поскольку банальная проза жизни и обыденность серых дней и без того преследовали всех и вся, являясь наглядной неизбежностью.

Засаленная корка аплодисментов давно отскоблилась, обнажив ржавые рельсы, по которым один за другим проходили в единой связке вагоны избитости, усталости формы, творческой лени, отсутствия оригинальных идей и подачи. Дорога вела в тупик.

Естественно, искусство не только могло, но даже и должно было походить на реальность, поскольку, как ни парадоксально это могло звучать, даже и фантастическая повесть оказывалась тем фантастичнее, чем больше в ней было реального: достоверно переданного опыта, объёмных персонажей, пережитых чувств, в то время как мифология являлась основой формирования любой культуры и дополняла собою мир каждого индивидуума, обогащая ту личную вселенную, которая, в противном случае, неизбежно оставалась бы под гнётом рамок чувственного восприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.